

УДК 8; 1751

UDC 8; 1751

10.00.00 Филология

Philology

АКТУАЛИЗАЦИЯ ИСТИНЫ КАК БАЗОВОГО КОМПОНЕНТА АРГУМЕНТАТИВНОГО ПОЛЯ

ACTUALIZATION OF VERITY AS A BASIC COMPONENT OF THE ARGUMENTATIVE SPHERE

Грушевская Татьяна Михайловна
д.ф.н., профессор
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия
kff-kubsu@yandex.ru

Grushevskaya Tatyana Michailovna
Dr.Sci.Philol., professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia
kff-kubsu@yandex.ru

Фанян Нелли Юрьевна
д.ф.н., профессор
Кубанский государственный университет,
Краснодар, Россия
kff-kubsu@yandex.ru

Fanyan Nelli Yurevna
Dr.Sci.Philol., professor
Kuban State University, Krasnodar, Russia
kff-kubsu@yandex.ru

В статье истина как базовый критерий аргументативного поля позиционируется с точки зрения понятия уместности, включая дискурсивный семантический ряд понятий. Показывается интегративный характер проблемы на стыке логики, психологии, лингвистики. Таким образом, на основе теоретических обобщений исследуются интерпретативные возможности компонентов категориального поля аргументации (знания, модальности, каузальности) делается вывод о том, что дискурсивный характер аргументации обуславливает актуализацию соответствующих стратегий

Verity as the basic criterion of argumentative sphere is positioned in the article from the notion of its relevance including discursive semantic number of concepts. Integrative character of the problem at the junction of logics, psychology and linguistics is presented. Thus, according to theoretical colligation interpretive abilities of components of the categorical sphere of argumentation (knowledge, modality, causality) are considered. It is possible to make a conclusion that discursive character of argumentation determines the actualization of the appropriate strategies

Ключевые слова: ИСТИНА, АРГУМЕНТАЦИЯ, АРГУМЕНТАТИВНОЕ ПОЛЕ, АРГУМЕНТ, ЛОГИКА, КОНЦЕПТ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ, ДИСКУРС, СТРАТЕГИЯ, МОДАЛЬНОСТЬ, СЕМАНТИКА, КАУЗАЛЬНОСТЬ

Keywords: VERITY, ARGUMENTATION, ARGUMENTATIVE SPHERE, ARGUMENT, LOGICS, CONCEPT, INTERPRETATION, DISCOURSE, STRATEGY, MODALITY, SEMANTICS, CAUSALITY

Критерий истинности как абсолютная категория, собственно, не представляет проблемы. Исследовательский интерес зарождается в пространстве относительности, к которому также реферирует анализируемое нами понятие. В какой-то степени абсолютный характер критерия истинности обеспечивается формально-логической областью изысканий, к примеру, в логической семантике [4]. Однако в своем развитии формально-логический подход активизировал проблемное поле понимания. Так, Ч. Филлмор говорит о двух семантических теориях – семантике понимания (П-семантика) и семантике истинности (И-

семантика). Он уточняет факт наличия естественного употребления слова «истинно», что идет вразрез с его технической («паразитичной») актуализацией [7, с. 74]. В данном случае значимо понимание семантики истинности, которое ориентировано не только на исследование утвердительных предложений.

Положение, сложившееся в рамках логической семантики, конкретно по вопросу о критерии истинности, отразилось в исследованиях в лингвистической и психологической областях. Можно полагать, что это стало возможным благодаря тому, что логики «позволили» лингвистам и психологам войти в их пространство исследований. Поэтому ограниченными кажутся рассуждения по поводу конкретного изъятия «лжи» из сферы семантической интерпретации аргументации [8]. Рассуждая с точки зрения житейской логики, ложь не может быть игнорирована, поскольку она актуальна, с точки зрения экзистенциальной логики, каким бы ни было наше отношение к ней.

Во многом гуманитарные исследования в данном направлении внесли существенный вклад в понимание проблемы, открывая новые перспективы в частности в области лингвистики, психологии и др., которые, в свою очередь, обогатили собственно область логических исследований. Подобное положение дел способствует теоретическому и практическому взаимообогащению – как в отношении позиционирования новых объектов и предметов исследования, так и в смысле вовлечения соответствующего эмпирического материала, а также полученных прикладных следствий. Поскольку исследуемый нами критерий имеет общегуманитарный характер, соответственно особую значимость приобретает исходно сравнительный анализ, указывающий на неоднозначность понимания «истины» в разных лингвокультурах. Так, французскому *vérité* и английскому *truth* в русском языке соответствуют два слова: *истина* и *правда*.

Анализ разнообразного корпуса эмпирического материала (пословицы, максимы, афоризмы), суждений мыслителей разных стран) позволили В.Г. Гаку выявить различные стороны концепта «истина» в измерениях (общая значимость, сила, качество, выражение, прагматизм, поиск, критерий истины) и референциях (истина и время, истина и нравственность, истина и свобода, истина и деятельность, истина и не-истина – ложь, заблуждение, фантазия) [2, с. 51]. Очевидно, что прагмалингвистический подход указывает на все нюансы языкоречевой деятельности, выявляя невозможность формализации естественного языка на базе критерия «истины». Находясь в самом ядре аргументативного поля, критерий истинности притягивает к себе все названные абстракции, выраженные в измерениях и референциях.

В более широком контексте проблема относительности истины рассматривается Н.Д. Арутюновой. Она актуализируется в трех понятиях – ИСТИНА – ПРАВДА – СУДЬБА, анализ которых предполагает вовлечение близлежащих концептов с учетом следующих факторов: особенность семантики понятия, потенциальная сочетаемость, референция, прагматическая ориентация. При этом особое значение приобретает проблема понимания в направлении семантического ряда «знание – мнение – вера». Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает, что «Концепт истины фундаментален для всех сфер знания, и вместе с тем он лежит в основании веры»; тема истины «проходит сквозной нитью через сознание и знание человека, через его язык, веру, восприятие и интуицию» [1, с. 543]. Истина характеризуется следующими признаками: *онтологические* (вечность, неизменность, сокровенность, единственность); *гносеологические* (связь с модусом веры, доступность через откровение); *аксиологические* (благодать; идеал и конечная цель бытия); *модальные* (необходимое существование, прескриптивность) [1, с. 549].

Прагматизация истины (ср. у В.Г. Гака) актуальна в связи с тем, что «Правда становится градуированным понятием» [1, с. 552] (ср. с «аргументативными шкалами» О. Дюкро [7]). Согласно Н.Д. Арутюновой, «Поле правды заполняется такими словами как *ложь, неправда, кривда, жизнь, известие, откровенность, искренность, чистота, честность, прямота, горькая, высшая, святая правда*» [1, с. 565], предикатами, выражающими значение истинности в русском языке, являются: *правда, истина, истинно, верно, достоверно, точно, правильно, справедливо, факт, несомненно, так, так и есть* и др. Истина соединяется с этикой [1, с. 575] (ср. с критерием истинности / искренности (в постулатах речевого общения). Введение собственно референции истины относительно лжи (отрицание истинности) подкрепляется дифференциацией данной позиции: нейтральное отрицание истинности; отрицание в условиях умышленной лжи; неумышленности лжи; при условии злого умысла; дезинформация, инсинуация; отрицание с указанием на невозможность соответствия сообщаемого действительности; с указанием на абсурдность или глупость [1, с. 609-610].

В мире повседневности ключевое место в истинностной оценке в аргументативном дискурсе занимает понятие «правда», которое имеет непосредственное отношение к «знанию»: «Для того чтобы сказать правду, нужно ее знать» [1, с. 597]. Теоретически данное положение верно, однако прагматический ракурс, включающий речеповеденческие стратегии, указывает на другие парадоксальные актуализации отношений «правды» и «знания». К примеру, в диалогических фрагментах релевантны контекстные реализации «правды» при явном «незнании», причем при отсутствии даже намека на возможную «ложь». Рассмотрим любопытный пример:

И. «Козел, а правду говорят, что у Бузыги ребра двойные? – спросил задумчиво Василь. – Что будто его никогда убить нельзя? Правда тому?»

– ИСТИННАЯ ПРАВДА. Как же иначе? У него все ребра срослись, до самого пупа. Такого, как Бузыга, чем хочешь бей, а уж печенки ты ему, брат, не-ет... не отобьешь. Потому что у него печенки к ребрам приросли. А у человека печенки – это первая штука. Если у человека отбиты печени...(1).

– А то еще вот, говорят, что двойная спина бывает... как у лошадей,
– сказал он печально. – ПРАВДА ЭТО, Козел?

– ЭТО ТОЖЕ ПРАВДА. БЫВАЕТ.

– А у Бузыги?

– Что у Бузыги?

– У него тоже двойная спина?

– Ну, уж этого я не знаю, не могу сказать(2).

– Я думаю, у него тоже двойная...

– ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ, – покачал головой старик. – ВСЕ МОЖЕТ БЫТЬ...(3) (*Куприн. Конокрады*).

Релевантность ПРАВДЫ старика актуальна до степени её ИСТИННОСТИ и подкрепляется несколькими стратегиями: «научной» аргументацией своего знания (1); признанием в конкретном случае своего незнания (2); экзистенциальным допущением «возможного» (3). В результате чего мы констатируем ситуацию приближения поля относительной истины к абсолютной её вариации. Таким образом, широкий жизненный контекст расширяет границы понятия «правда», приближая её к «истине», а в языкоречевом аспекте создавая гибридное понятие – «истинная правда». Заметим при этом лингвокультурную специфику русского языка.

В русской научной и культурной традиции поиски истины связывались с представлениями о добре и зле. Истина связывалась с красотой, добром, любовью (В.С. Соловьев, Л.Н. Толстой). Л.Н. Толстой в

«Исповеди» писал: «нарушая любовь, ты лишаешься возможности познать истину» [5, с. 275].

Контекст «истины» в естественном языке шире в силу этического контекста, в котором понятия «истина», «правда», «правильность», «верность» реферируют к идее справедливости. В этом случае возможна асимметрия, нарушающая равновесие. Внешний диссонанс стирается посредством имплицитной логики аргументации, допускающей на основе принципа уместности актуализацию деонтической модальности, действующей вразрез с полем аксиологической модальности, оправдывая при этом релевантность нарушения идеи справедливости с точки зрения правильности, задаваемой конвенциональностью. При этом стратегия предположения в процессе аргументации просчитывает различные варианты отношения к конкретной ситуации с помощью модального компонента:

II. «Самых худших, А ПОЧЕМ ЗНАТЬ, МОЖЕТ БЫТЬ, и самых талантливых, сослали за плохое учение в Ярославскую прогимназию, а за скверное поведение – в Вольскую, где, как говорят современники, драли их всех по субботам: ЕСЛИ виноват, ТО за вину, А ЕСЛИ НЕ виноват, ТО в поучение, А за особые провинности – вдвое... (*Куприн. Храбрые беглецы*).

В повседневном дискурсе актуализация критерия истинности происходит посредством эксплицитных лексических единиц различных уровней, отличающихся степенью модализации: правда; по-правде сказать; честно говоря; честное слово; на самом деле; истинная правда; не должно быть никакого сомнения в том, что; не подумайте только, что...; хочу Вас уверить; поверьте...; как Вы могли усомниться в том, что...; как Вы могли поверить в то, что и т.д. Приведенные лексические единицы релевантны как в случае истинной, так и ложной пресуппозиции. В поле поиска «истины» включается психологическое понимание правды.

В частности, В.В. Знаков в работе «Психология понимания правды» справедливо полагает, что «истина как объективная категория определяется только посредством соотношения понятия с субъектом, бытия с сознанием. В процессе познания, взаимодействия субъекта с объектом гносеологическая истина постепенно превращается для него в психологическую правду. Это происходит вследствие конкретизации, индивидуального осмысления истины, включения ее в контекст личностного знания. Современные психологические исследования не отрицают античного и христианского понимания правды, а наполняют его конкретным содержанием. Ранее оно было не выявленным, скрытым различными социальными, культурными, религиозными контекстами от взоров ученых – как верующих, так и неверующих. Благодаря размышлениям и экспериментам психологов постепенно становится все яснее и яснее, почему истина понимается и субъективно переживается как правда» [3, с. 29].

В.В. Знаков толкует понятие «правда» с точки зрения духовной потребности русского народа [3], выделяя три аспекта психологического анализа истины и правды – *гносеологический* (истина – категория логики и теории познания, правда – категория психологии общения и взаимопонимания); *аксиологический*; *практический* (установка субъекта на использование правдивых сведений в процессе коммуникации) (ср. с аспектами Н.Д. Арутюновой – онтологический, гносеологический, аксиологический, модальный).

В.В. Знаков подчеркивает, что в контексте анализа интерсубъективности категория «истина» по содержанию и объему беднее категории «правда». Далее ученый отмечает, что в психологии правда и ложь характеризуются по следующим признакам: 1) фактическая истинность (ложность) утверждения; 2) вера говорящего в истинность (ложность) утверждения; 3) наличие или отсутствие у говорящего

намерения ввести в заблуждение слушающего [3, с. 238]. Заметим, что названные признаки приемлемы и в сфере прагмалингвистических интересов. Данные признаки актуализируют утверждения, в основаниях которых присутствуют: правда, «случайная правда», неправда (заблуждение), неправда (иносказание, шутка, ирония), вранье, обман, мнимая ложь, самообман, откровенная ложь (ср. с отрицанием истинности у Н.Д. Арутюновой).

Подобная дифференциация истины в соответствии с правдой, ложью и др. диктуется аргументативными стратегиями, которые формируют прагматический фон аргументативного пространства (АП). Так, например, максима-установка «всегда говорить правду» может служить универсальной пресуппозицией, как в следующем фрагменте:

Ш. «... вошел ефрейтор Пискун. Он еще не дорос до разбирания степени авторитетности начальства и ПОТОМУ одинаково пучил на всех глаза, стараясь говорить “громко, смело и притом всегда правду”. От этого, уловив в вопросе начальника намек на положительный ответ, он кричал “точно так”, а в противном случае – “никак нет”.

– Так ты не знаешь, кто украл у молодого солдата Есипаки голенища?

Пискун закричал, что он не может знать.

– А может быть, это Байгузин сделал?

– Точно так, ваше благородие! – закричал Пискун радостным и уверенным голосом.

<...>

– Может быть, это вовсе и не он украл?

– Точно так, ваше благородие» (*Куприн. Дознание*).

В анализируемом контексте приоритетную позицию занимает «стратегия лавирования», позволяющая озвучивать безотносительные к фактам утверждения. Таким образом, каузальность как компонент в

категориальном пространстве аргументации актуализируется посредством психологического фона, задаваемого статусным партнером по коммуникации.

Дискурсивный критерий, полагаемый нами в качестве альтернативного для области естественного языка, представляется способным включить в себя всю сложную семантику, которая оформляется вокруг критерия истинности (истинно, правда, верно, правильно, справедливо, ложь, вымысел, заблуждение, фантазия и т.п.). В связи с признанием дискурсивного критерия на основе принципа широкой уместности можно допустить соответственно релевантную реализацию (независимо от истины / лжи) любого эпистемического контекста (см. пример I) с соответствующей каузальной связью (см. пример II) и характерной для нее модальностью (см. пример III).

Завершая наши рассуждения, отметим перспективность дальнейших исследований в области аргументологии в целом. В частности она имеет отношение как к интерпретации специфики актуализации базового критерия, так и компонентов, формирующих аргументативное поле в различных аспектах – синтаксическом, семантическом, прагматическом. Особое значение в пространстве аргументативного текста/дискурса приобретает включение в анализ нового измерения – реформулятивного [3].

Список использованной литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки славянской культуры, 1998. 768 с.
3. Знаков В.В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 281 с.
4. Поздеева Т.В., Редько Г.В. Концептуальная картина мира как дискурс: особенности содержания и структуры // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2014. № 3. С. 67–70.
5. Толстой Л.Н. Исповедь // Новые пророки. СПб, 1996. С. 199-290.
6. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.

7. Ducrot O. La preuve et le dire: Langage et logique. P., 1973.
8. Nef F. Sémantique discursive et argumentation // Cahiers de linguistique française. Vol. 7 Genève, 1986. P. 69-92.

References

1. Arutyunova N.D. Yazyik i mir cheloveka. M.: Yazyiki russkoy kulturyi, 1999. 896 s.
2. Gak V.G. Yazyikovyye preobrazovaniya. M.: Yazyiki slavyanskoy kulturyi, 1998. 768 s.
3. Znakov V.V. Psihologiya ponimaniya pravdyi. SPb.: Aleteyya, 1999. 281 s.
4. Pozdeeva T.V._ Redko G.V. Konceptualnaya kartina mira kak diskurs_ osobennosti sodержaniya i strukturi // Vestnik Adigeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2_ Filologiya i isksstvovedenie_ 2014. № 3. S. 67–70.
5. Tolstoy L.N. Ispoved // Novyye proroki. SPb, 1996. S. 199-290.
6. Fillmor Ch. Freymyi i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyip. 23. M.: Progress, 1988. S. 52-92.
7. Ducrot O. La preuve et le dire: Langage et logique. P., 1973.
8. Nef F. Sémantique discursive et argumentation // Cahiers de linguistique française. Vol. 7. Genève, 1986. P. 69-92.